

Глава 7

— Отец!

Дачжуан и Сяочжуан, до этого прятаясь за дверью, выскочили наружу. Словно маленькие цыплята, они преградили путь взрослым, решительно раскинув худые ручонки.

— Не смейте! Не смейте обижать нашего отца!

— Ах вы, щенки! Обоих пришибу! — взревел Чжао Чангуй. Он замахнулся, намереваясь отвесить детям тяжелую пощечину.

— Только попробуй! — в решающий миг голос Цзи Юаня прозвучал подобно удару грома.

С молниеносной быстротой он оттащил застывших от ужаса сыновей в сторону, а другой рукой стальным захватом перехватил запястье нападавшего. В глазах мужчины сверкнула ледяная ярость. Резким движением он вывернул руку Чжао Чангуя, заставляя того взвыть от боли, и, вложив в удар всю мощь, впечатал подошву в его колено.

— А-а-а!.. Бам!

Чжао Чангуй не успел даже закончить крик, как с глухим стуком повалился в пыль. Удар был настолько сокрушительным, что мужчина на мгновение потерял связь с реальностью.

— Убивают! Человека убивают! — истошно завизжала госпожа Чэнь, увидев поверженного мужа. Она бросилась к нему, пытаясь перевернуть, и, заметив на его лице кровь, окончательно потеряла голову. — Кровь! Чангуй, ты весь в крови!.. О горе мне, на кого ты нас покидаешь, как же я с детьми-то...

Тот коснулся губ, посмотрел на окровавленную ладонь, закатил глаза и тут же лишился чувств.

— Заткнись! — Цзи Юань рявкнул так, что у присутствующих едва не лопнули перепонки. Спрятав второго сына за спину, он полоснул женщину взглядом, полным такой угрозы, что та мгновенно притихла, вжав голову в плечи.

Чжао Чанцзинь, собиравшийся было присоединиться к драке, замер на месте. Он не решался ни нападать, ни отступить, переводя взгляд с брата на противника.

— Ну, кто следующий? — Цзи Юань медленно поднял веки, одарив мужчину равнодушным, почти скучающим взглядом. — Давай, чего стоишь? Я разберусь со всеми разом.

Чжао Чанцзинь заметил валявшуюся неподалеку палку и, схватив её, с диким воплем бросился на гэ'эра.

— А-а-а-а!

Бам!

Исход был предрешен. Секунда — и нападавший уже растянулся в пыли рядом с братом, а на его скуле багровел свежий след от собственного же оружия. Цзи Юань брезгливо отшвырнул палку и придавил затылок поверженного врага сапогом. Стоило тому попытаться приподнять голову, как нога надавила сильнее, вжимая его лицом в грязь.

— Есть еще желающие продолжить? — он повернулся к застывшим неподалеку женщинам.

Госпожа Ли и госпожа Цянь испуганно переглянулись и одновременно замотали головами — страх в их глазах был слишком очевиден. Дети семьи Чжао, притихнув, жались по углам. Никто из них не посмел вмешаться, боясь оказаться на месте избитых отцов.

— Слушайте меня внимательно, — голос Цзи Юаня разнесся по двору, подобно щелчку бича. — Если я еще хоть раз услышу, как кто-то из вас — взрослый или ребенок — оскорбляет Дачжуана или Сяочжуана, пеняйте на себя!

Он обвел тяжелым взглядом всех присутствующих. Ему было всё равно, кто перед ним — женщина или ребенок; если потребуется, он применит силу к любому, кто посмеет обидеть его детей.

Братья высунулись из-за спины отца и решительно закивали.

— Вот именно! — Дачжуан гордо выпятил грудь.

Теперь они знали точно: папа всегда даст сдачи. Глаза мальчишек сияли от нескрываемого восхищения. Их отец был самым сильным на свете! Теперь им больше не страшны никакие обидчики. Другие дети, привыкшие безнаказанно задирать братьев, разом присмирели, опасаясь гнева «безумного гэ'эра».

— Ты... ты... — старый господин Чжао затрясся от ярости, тыча в Цзи Юаня дрожащим пальцем. — Настоящий бандит! Ни стыда, ни совести, ни закона! Совсем от рук отбился!

Он повернулся к другому сыну:

— Чанфу! Живо беги за своим четвертым дядей — старостой. Пусть немедленно придут сюда и приструнят этого безумца!

У старого господина Чжао и госпожи У было шесть сыновей и одна дочь. Однако старший, Чжао Чанмин, был лишь приемным. Супруги взяли его на воспитание не от доброты душевной — в первые два года брака у них не было детей, и, последовав совету старой госпожи Ван, они решили «приманить» удачу, усыновив сироту. План сработал: уже на следующий год госпожа У забеременела. Один за другим родились пять сыновей, а последней на свет появилась их любимица — Чжао Баочжу.

С рождением собственных детей отношение к Чанмину стало не просто холодным, а жестоким. С малых лет он терпел побои мачехи и издевательства братьев, выполняя самую тяжелую и грязную работу в доме. О справедливости в этой семье он мог только мечтать. Когда пришло время женить сыновей, старики не пожелали тратить ни гроша на приемного ребенка. Чжао Чанмину пришлось самому добывать средства на выкуп супруга: он отправился в горы, выследил и убил тигра, а на вырученное серебро приобрел Цзи Юаня. Спустя время, когда в дом пришла повестка о наборе в армию, госпожа У, имея на руках деньги, выкупила от службы родных сыновей, но хитростью заставила Чанмина отправиться на фронт.

С тех пор прошло семь лет, и от него не было ни весточки. Оставшиеся в доме Цзи Юань и двое детей стали удобной мишенью для всей семьи, превратившись в бесправных слуг, на которых срывали злобу и старики, и дети.

Но сегодня всё изменилось. На месте прежнего бессловесного страдальца стоял человек, свято верящий в простой принцип: «Как ты ко мне, так и я к тебе». Если кто-то осмеливался перейти черту, Цзи Юань был готов кулаками вбивать правила приличия. По правде говоря, он и сам искал повода проучить эту семейку, и они предоставили его на блюдечке. Если одного раза не хватит — он повторит урок. Он будет бить их до тех пор, пока при одном виде его семьи они не начнут обходить их за версту.

— Да-да, отец, я мигом! — Чжао Чанфу опасно обошел гэ'эра по широкой дуге и со всех ног бросился со двора.

Цзи Юань не боялся визита старосты. Судя по тому, как Чжао Цзимин вытащил их из беды сегодня днем, он был человеком рассудительным. В памяти прежнего владельца тела сохранились обрывки воспоминаний о том, как староста и раньше старался по мере сил помогать их маленькой семье.

— Пойдемте в дом, пора ужинать, — Цзи Юань обнял детей за плечи и увел их в каморку. Он плотно притворил дверь, чтобы вид разъяренных родственников не портил им аппетит.

— Вы... вы... Это же уму непостижимо! — заброшенный и проигнорированный старый Чжао затрясся еще сильнее, глядя на закрытую дверь.

Госпожа Чэнь и госпожа Цянь тем временем суетились вокруг своих мужей, помогая им подняться. Дети, шмыгая носами, окружили отцов, испуганно спрашивая, что с ними. У Чжао

Чангуя при падении вылетели два передних зуба, и теперь каждое его слово сопровождалось свистом.

— А-а-а... — Чжао Чангуй, придя в себя, издал протяжный стон. — Я больше не буду... не надо больше меня бить...

В это время большинство жителей деревни уже ужинали. Семья старосты Чжао Цзимина тоже собралась за столом. Когда запыхавшийся Чжао Чанфу прибежал с просьбой о помощи, Чжао Цзимин лишь недовольно поморщился. Он сухо ответил, что сначала покончит с едой, а уж потом решит, стоит ли идти. Несолоно хлебавши, голодному мужчине пришлось вернуться домой и ждать.

После ужина его жена, госпожа Чжан, увидев, что муж преспокойно попивает чай, с удивлением спросила:

— Ты же обещал Чанфу зайти к ним. Почему до сих пор здесь?

— Никуда я не пойду. Пусть повоюют, — проворчал староста, закатывая глаза. Свое раздражение он адресовал не супруге, а всему неумному семейству Чжао. — Спешить некуда. Если бы случилось что-то действительно серьезное, полдеревни бы уже на ушах стояло. Раз никто не бежит — значит, просто очередной семейный скандал.

Днем он и так потратил на них слишком много времени, и теперь, когда наступили сумерки, у него не было ни малейшего желания тащиться на другой конец деревни. Госпожа Чжан лишь усмехнулась, понимая, что муж прав, и вышла из комнаты.

Семья Чжао прождала до самой темноты, но староста так и не явился. Тем временем в маленькой комнатке троица, набив животы, уже укладывалась спать. Стоило Цзи Юаню коснуться подушки, как сон сморил его — сказывалась усталость насыщенного дня. Мальчики какое-то время лежали рядом, прислушиваясь к его ровному дыханию, но вскоре и они, успокоенные и защищенные, погрузились в глубокий сон.

<http://bllate.org/book/15315/1354425>